

Юлия Ревазова

◆

Дед Арсен

и его семья

◆

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРЮДІЄЩІ

Юлия Ревазова

Дед Арсен и его семья

2021

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ревазова Ю. А.

Дед Арсен и его семья / Ю. А. Ревазова — 2021

ISBN 978-5-907358-20-1

Ревазова Юлия Анатольевна — генетик, кандидат медицинских и доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Эти мемуары — воспоминания о жизни трех поколений одной семьи в двадцатом веке, ироничные, грустные, временами страшные и, несмотря на все, — оптимистичные, позитивные, где нашлось место и юмору, и историческим реминисценциям. Сам стиль написания напоминает тезисы лекций или докладов: без лишних подробностей, сохраняющий быстрый темп повествования и одновременно позволяющий представить себя на месте автора или героя отдельных глав. Содержит нецензурную брань! В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907358-20-1

© Ревазова Ю. А., 2021

Содержание

Подарок судьбы	6
Старшие Ревазовы	9
Пальто без рукавов	15
Дело № 746	20
Подлинные документы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Ревазова

Дед Арсен и его семья

Мемуары

© Ревазова Ю. А., 2021

© ИД «Городец», 2021

© Викторов И. М., оформление, 2021

* * *

Воспоминания или мемуары – жанр сложный и опасный для любого автора – слишком много местоимений и слова «помню». Тем более для автора, привыкшего к стилю научному. Сложно избежать и синдрома déjà vu или jamais vu – уже виденного или никогда не виденного. Или presque vu – почти увиденного. Ведь очень трудно писать о целом веке жизни семьи и любимых людей и не ошибиться в описании каких-то событий или в оценочных суждениях.

Надеюсь, уважаемый читатель простит меня за некоторые упущения.

Подарок судьбы

Поздняя осень 1956 года. Мне 17 лет, позади короткая довоенная жизнь, которую я помню только по рассказам мамы, начало войны – по своим слезам, когда (по счастью, невзорвавшаяся) бомба во дворе Московского института инженеров транспорта (МИИТ) рядом с нашей квартирой в метростроевском бараке опрокинула тазик с платьем любимой куклы и меня.

Помню эвакуацию к тетке отца в Коканд, где страшного голода не было, хотя буханка хлеба и стоила месячной зарплаты мамы, но были фрукты, рис и коза, дававшая 1 литр молока, из которого мне, ребенку, доставалась половина, а вторая половина предназначалась взрослым – маме, ее сестрам Розе и Фене, няне Шуре и кошке. Еще был шоколад, который дарили моим теткам молодые ребята из летного и танкового училищ.

Помню приезд в конце 1944 года в Москву и возвращение с войны отца, очень больного и практически уже не работающего, помню праздничный победный салют на Красной площади.

Помню жареную картошку на рыбьем жиру и сам рыбий жир – столовая ложка ежедневно. Помню приезды после войны маминых братьев Лени и Исяя, которые меня развлекали сказками и игрой на гитаре.

Летом традиционная поездка в метростроевский пионерский лагерь в Балабанове («Метростроевский Артек»), еще до вступления в ряды пионерской организации и вплоть до окончания школы. Лагерь был любим: много друзей – дети метростроевцев ездили туда по две-три смены в год, волейбол, танцевальный кружок, купанье, походы на один-два дня с палатками, костры, собственные концерты самодеятельности и прочие прелести. А еще нас вполне прилично, по тем для меня временам, кормили – рядом располагался метростроевский совхоз с фермой и овощными грядками. По крайней мере лучше, чем в настоящем Артеке в Гурзуфе, куда я попала однажды в 1952 году – маму премировали путевкой для меня. Наш метростроевский лагерь был и демократичнее, и интереснее.

В основном меня воспитывал папа (мама много работала), и в большой строгости, учиться я должна была только на пятерки по всем предметам, экзамен сдавать первой (в те времена экзамены сдавали и в начальной школе) и, конечно, только на пятерки. Этот «синдром отличницы» сохранился надолго и касался не только учебы, в том числе и в музыкальной школе, но и обычной жизни. Кататься на коньках и на лыжах, плавать, ориентироваться в городе и в лесу, ухаживать за животными, готовить вкусности (например, плов) – всему этому научил отец, что я оценила, увы, только повзрослев, а в детстве у меня не было свободного времени для гуляний во дворе и обычной для многих детей жизни.

Самостоятельной я стала очень рано, в 10 лет, когда родители расстались, мы с мамой переехали в другую квартиру, тоже метростроевский барак на Красносельской улице, без соседей, но с туалетом во дворе и водой из колонки. Я стала хозяйкой, за две недели мама научила меня готовить на керосинке или на электрической плитке, покупать продукты в магазине и на Леснорядском рынке, правда, стирку и серьезную уборку мне не поручали. Рано повзрослев, научилась быть советчицей не только для одноклассников, но и для мамы, маминых сестер и вообще взрослых.

Мама трудилась на двух работах, днем у себя в строительной конторе Метростроя главным инженером, а вечерами преподавала сопромат в техникуме. Чувства одиночества я не испытывала, новая прекрасная школа с отменными учителями: литературу вела наш классный руководитель Вера Федоровна, которая читала нам стихи Цветаевой и Пастернака, а сочинений мы писали всегда два – одно для РОНО (районный отдел образования), а второе для себя и литературного кружка; черчение и рисование преподавал однокурсник В. Маяковского по

ВХУТЕМАСу, географию – педагог-орденоносец (ракетные войска, защищавшие Москву), с ней мы ходили в походы на туристические слеты и занимали там первые места.

Англичанка Валентина Владимировна Варламова вела театральный кружок на английском языке, а параллельно работал обычный театральный кружок, где целый год или полтора с нами занимались Олег Ефремов и Олег Табаков в качестве комсомольской нагрузки. Физкультура занимала особое место – ее преподавала Лидия Ивановна Огуренкова (жена спортивного комментатора, брат которого – известный боксер Виктор Огуренков, под его руководством сборная СССР по боксу побеждала всех в 60-е годы), и мы играли в волейбол, баскетбол, занимались спортивной гимнастикой, бегом с барьерами и всем, что возможно в спортивном зале и на улице в парке. Сейчас там 3-е лужковское кольцо и супермаркеты «Ашан» и другие. Учительница истории в постоянных экскурсиях показывала нам Москву, мы даже побывали в Оружейной палате при жизни Сталина, для чего получили школьные билеты с фотографиями, подобными билетами никто не обладал. Вот такой осталась в памяти моя школа.

Когда я попросила у мамы 20 рублей на выпускной вечер, мама, удивившись, спросила: «А разве ты не 9-й класс заканчиваешь?» Золотую медаль я не сохранила, остались коробочка и аттестат зрелости с одними пятерками. А из медали мы с мужем через четыре года сделали обручальные кольца. Кстати, мама не знала, в какой именно медицинский институт я поступаю. Сначала я хотела поступать в 1-й медицинский, но там была очередь на медкомиссию до 10 июля, а во 2-й медицинский ее не было вовсе. И оба рядом – на Пироговке. Я прошла медкомиссию во 2-м меде и пошла на собеседование (у золотых медалистов экзаменов не было). На собеседовании мне задали два вопроса: фамилия, имя и отчество папы, национальность и кем работает, фамилия, имя и отчество мамы, национальность по паспорту и кем работает. Я спокойно ответила: в школе национальный вопрос как-то не возникал, и стала ждать оглашения списка принятых в институт. Но меня в нем не оказалось. Я удивилась, но стоявший рядом отец потенциального студента вполне еврейской внешности сказал: «Зря мой сын и, судя по всему, вы сдавали сюда документы, во втором меде слишком много антисемитов». Я не плакала, у меня была очередь на медосмотр в 1-й мед и еще одно собеседование. И тут я вспомнила, как 10 лет назад по дороге в музыкальную школу вслед мне кричала одноклассница Рона Васюренко (помню имя!): «Юлька – жидовка!» Вечером я спросила папу, кто это – жида? Он ответил: тебя это не касается, в свидетельстве о рождении стоит национальность – русская, это я тебе ее подарил. Самоидентификация началась позже.

А вот собеседование в 1-м медицинском было совсем не похожим на предыдущее. Вопросы по химии, физике, небольшое интервью на английском и даже вопрос «кто такой Козьма Прутков?». Результат – принята!

Конечно, я сейчас, по прошествии более 60 лет, понимаю, что мне здорово повезло, не возникло никаких комплексов неполной семьи, спасибо школе и пионерскому лагерю. У многих отцы не вернулись с войны, и жить только с мамой было вполне нормальным явлением. Практически моя жизнь до 17 лет прошла не в семье, а за ее пределами.

И вот теперь я студентка Первого Московского медицинского института. У нас очень скоро сложилась классная компания из студентов нашей и параллельной групп: Толя Ревазов, Юлиан Гофман, Валера Харлампович, Ирочка Токарева, Леня Прихожан, Галя Левина и др. Учиться трудно, одна анатомия чего стоит, но и весело. Времени хватало на все. И на работу в студенческих научных кружках, и на посиделки (их теперь называют тусовками), и на капустники (начало КВН), и даже на спорт.

Однажды я выходила после волейбольной тренировки из спорт-храма (спортзал нашего института) на углу улицы Еланского и Погодинки, сейчас его можно увидеть как действующий прекрасно отреставрированный храм Архангела Михаила, и меня встречал Толя Ревазов. И, как на грех, у меня рассыпались бусы. Мы с Толей собирались ехать в Боткинскую больницу на практику помощниками медсестер. Поскольку мы поздно записались, а хирургические и

терапевтические отделения уже были заняты, то нам вместе с Леней Прихожаном досталось мужское урологическое отделение.

Анатолий, увидев меня расстроенной, сказал: «Пошли к предкам, это рядом, в Долгом переулке (ныне улица Бурденко). Соберешь бусы, и выпьем чаю». Мне было чуть-чуть неудобно, но лишь чуть-чуть. Мы вошли в дом, и первым, кого я увидела, оказался потрясающе красивый господин (слово «мужик» ему никак не шло), с улыбкой сказавший мне: «О! Привет! Как раз к чаю».

Меня зовут Арсен Сергеевич. Мою жену – Ида Иосифовна, этого балбеса – Саша, он братик Толи, а это Поля, наша няня». Так я впервые вошла в этот дом и в эту семью. Это был совсем другой мир для меня, и он стал началом другой жизни.

Центром дома и всего окружения, состоящего из многочисленных родственников и друзей, детей и их друзей, был Арсен. Я в его лице получила друга, отца будущего мужа и деда будущего сына, названного, конечно, Арсеном.

Младший Арсен родился ровно через 10 лет после моего знакомства с его дедом. Магия имен существует, это я знаю точно, правда, и законы наследственности никто не отменял. Внук унаследовал характер (кавказский, взрывной), быстроту реакции, прекрасную память, отличный музыкальный слух, любовь к блондинкам и умение не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

О них и немного обо всем, что всех нас окружало в эти годы в нашей стране, написана эта книга. То, что вы читаете, скорее воспоминания мои и тех людей, которые помнят события прошлого столетия со всеми их бедами и радостями. Конечно, далеко не всему я была свидетелем, многое знаю по рассказам родных и друзей, которых уже нет. После первой встречи прошло больше шестидесяти лет. Все эти годы семья Ревазовых, от деда Арсена до сына Арсена и его детей, была моей, и это подарок судьбы.

Старшие Ревазовы

Будучи генетиком, могу реально и доказательно представить, какие или чьи гены заложены в Арсене-старшем. Но... еще шла первая половина прошлого, XX века, время жесткое и жестокое. Сохранить себя, свое достоинство и самобытность было суждено не каждому. Может, единицам.

В начале XX века родители Арсена – Сергей Артемьевич Ревазов и Елена Яковлевна Суренянц – жили как в Петербурге, так и в собственном загородном доме в Финляндии, которая до революции, как и Польша, входила в состав Российской империи. Предки Сергея Артемьевича – тифлиские армяне Ревазяны, из рода которых вышло много ювелиров. Елена Яковлевна – представительница известной семьи ереванских художников, ее родного брата Вардкеса Суренянца считают классиком армянской художественной школы.

Когда Елене пришлось время рожать, она поехала в Хельсинки – от загородного дома туда легче добираться, чем до Петербурга. Именно там 22 июня 1910 года родился Арсен Ревазов. Старший брат Константин родился в 1904 году, а сестра Маргарита в 1908-м. Арсен – младший и последний ребенок. Когда уже в советское время Арсен получал паспорт, он резонно решил, что заграничное место рождения может смотреться подозрительно, и попросил служащего вместо Хельсинки, указанного в метрике, написать Ленинград. Тогда бюрократические процедуры выглядели проще, и так по паспорту он стал урожденным ленинградцем.

Вскоре после рождения Арсена его родители переехали в Москву. Сергей Артемьевич Ревазов стал заведовать складом Келера и сетью из 17 розничных магазинов. Контора, склад и шоколадная лавка Торгового дома располагались на Никольской улице, 12, в доходном доме графа Алексея Орлова-Давыдова. Именно сюда Сергей Ревазов ездил на службу. Торговое дело московского купца первой гильдии Романа Келера до революции процветало. Журнал «Нива» в 1900 году писал, что исторической заслугой первого в России химико-фармацевтического предприятия Келера является создание «новой отрасли обрабатывающей промышленности – производство химических и фармацевтических препаратов с целью вытеснения с русских рынков аналогичных продуктов иностранного производства. Заслуга эта имеет многостороннее государственное значение». По понятиям нашего времени, Келер был выдающимся импорто-заместителем начала XX века (*эффект, правда, в наше время прямо противоположный*). И работу Келера оценили: аптекарю присвоили звание потомственного почетного гражданина Москвы и чин мануфактур-советника. Именно в товариществе «Р. Келер и К^о» Сергей Артемьевич заработал свое состояние, а затем, вместе с компаньоном, приобрел нефтяную вышку, которая приносила его семейству солидный доход.

В 1914 году он также стал инспектором крупнейшего страхового общества «Россия» и представителем берлинской фабрики «О. Роде и К^о». Багеты и рамки именно этой марки предпочитали покупать известнейшие коллекционеры картин того времени.

Революция разрушила прежнюю жизнь Сергея Ревазова и его семьи: в декабре 1918 года ликвидировали все частные страховые общества, их имущество, как и всю собственность товарищества Келера, национализировали. Заводу Келера в 1922 году присвоили имя первого наркома здравоохранения РСФСР Николая Семашко: предприятие Мосхимфармпрепараты им. Н. А. Семашко работает до сих пор. Потомственный почетный гражданин Москвы Роман Келер до революции, к своему счастью, не дожил.

В мае 1919 года здание страхового общества «Россия» отдали Московскому совету профсоюзов. Однако на деле его заняли сотрудники НКВД, которые выселили всех квартиросъемщиков. С этого момента дом стал символом террора и могущества спецслужб. Именно туда,

куда в свое время приходил на службу Сергей Реватов, на допрос привезут его сына Арсена. Но это случится в далеком 1932-м.

Пока же, после революции, старший сын Константин изучает иностранные языки в Лазаревском институте, или, как его еще называли, «Армянском лицее». Там обучались дети не только состоятельных армян, но существовали квоты и для бедных семей, и для тех, кто готовился к духовному званию армяно-григорианского вероисповедания. Одной из главных целей обучения в лицее в то время была подготовка чиновников и переводчиков для Закавказского края. Студенты изучали армянский, грузинский и персидский, турецкий и арабский языки. Сам Сергей Артемьевич прекрасно владел немецким и, вероятно, видел своего старшего сына чиновником. Младший сын Арсен тем временем рос под присмотром матери и старшей сестры Маргариты. Глава семейства работал у Семашко в наркомате, который и стал его последним местом службы.

Жили Реватовы в Тихвинском районе недалеко от нынешней станции метро «Новослободская». «Вот этот дом мы снимали», – показал однажды Арсен своему сыну Александру на двухэтажный дом. И рассказал историю: «Я всю жизнь был жутко вспыльчивым. И в этом самом доме я подрался с братом Костей. Нас пытались, но не смогли разнять родители, им на помощь прибежала прислуга, еле-еле растащили. Костя спустился по лестнице на первый этаж, а я, не раздумывая, со второго этажа прыгнул ему на спину и опять в него вцепился».

К завтраку или обеду Сергей Артемьевич всегда переодевался. Арсена и Костю тщательно учили держаться за столом: оба ели с двумя книжками, зажатыми под мышками, чтобы не ставили локти на стол и сидели прямо. Обед начинался традиционно: дети и жена сидели за столом, а Сергей Артемьевич подходил к шкафчику с напитками, который висел на стене, вынимал рюмочку, наливал аперитив, потом садился за стол и говорил: «Ну, что у нас?» Арсен всегда говорил, что они армяне. Хотя многие считают, что Реватов – фамилия осетинская. Сергей Артемьевич был в числе тех, кто финансировал строительство церкви на Армянском кладбище. На этом кладбище в 1905 году похоронен отец Елены Яковлевны – Яков Захарович Суренянц, в то время бывший главой Армянской церкви в Москве. В 1918 году с его могилы вдруг исчез надгробный бюст с крестом. Спустя несколько месяцев родственники обнаружили этот бюст в одном из пролетарских клубов: крест оказался спиленным, но бороду, вполне себе окладистую, оставили и написали краской: «Карл Маркс». Сергей Артемьевич и Елена Яковлевна Реватовы умерли в 1924 году на даче в Малаховке – у обоих не выдержало сердце. Похоронены на Армянском кладбище. Они не смогли пережить все то, что происходило в стране и что стало с их семьей. Отобрали работу, квартиру, переселили всю большую семью в низкий первый этаж, почти полуподвал... Поэтому они переехали в Малаховку, в дом мужа своей дочери Маргоши. Арсен вспоминал, что дом находился возле синагоги, и они вместе с зятем Яковом Эммануиловичем (Гигой), который в молодости был хорошим стрелком, добывали на обед кур стрельбой из спортивной винтовки. Чьих кур – не уточнял.

Что интересно, все трое детей Сергея Артемьевича Реватова женились или вышли замуж за евреев, и все его внуки оказались полукровками – наполовину армяне, наполовину евреи.

После скоропостижной смерти родителей четырнадцатилетний Арсен остался сиротой без средств к существованию.

Аствац! Инчу амар? Господи! За что?

Семейство Ревазовых, Суренянцев и Эминовых перед революцией, 1915 г

Яков Суренянц, дед деда Арсена

Сергей Артемьевич и Елена Сергеевна, 1915 г

Дед Иосиф Абович, баба Берта Абрамовна, дочери Ида и Бетти

Баба Раиса (Раиса Александровна Буланова)

Дед Соломон Эпштейн, мои папа и мама справа, 1936 г

Пальто без рукавов

*Как это говорится, – червонцем меньше, червонцем больше...
Нищий беднее не станет... Покуда душа в теле, покуда хоть одна
жилка еще бьется, нельзя терять надежды.
Шолом-Алейхем, Тевье-молочник*

Годы с 1924-го по 1932-й были голодными, но веселыми, потому что жизнью правили молодость и оптимизм.

Жизнь после смерти родителей действительно стала очень трудной. Его подкармливали друзья родителей, дальние и ближние родственники. Даже хозяин керосиновой лавки, армянин, наливал ему больше керосина, жалея сироту. Когда Арсен сказал, что это вроде бы неудобно – красть у государства, – в ответ услышал сакраментальную фразу: «Арсен-джан, кто у кого больше украл?..» На мой взгляд, эта фраза не потеряла актуальности и по сию пору.

В 1924 году в Москву приехал дальний родственник Ревазовых Артюша Айвазян (Артемий Сергеевич), только что окончивший Тбилисскую консерваторию по классу виолончели. Они стали жить вместе в том же полуподвале на Тверской улице, дом 68, квартира 48, где ранее ютились родители Арсена. Артюша был старше на восемь лет, но дети тогда выросли очень быстро, и они замечательно сдружились.

В Москве Айвазян, что называется, «на дурака» поступил в консерваторию, не очень уверенно исполнив на виолончели необходимую программу на экзамене и не сказав никому, что у него уже есть диплом другой консерватории. При этом оказалось важным, что он армянин, тогда «национальным кадрам» поступить в вуз было легче, чем москвичам.

В консерватории Айвазян начал на глазах прибавлять в мастерстве. Среди преподавателей пошли разговоры: «Боже, да это самородок из Армении! Он на втором курсе играет как выпускник». Артюшу начали посылать на конкурсы виолончелистов, и он их выигрывал. Когда ему дали звание лауреата, он сказал: «Все, Арсюша, пока. Я поехал в Ереван».

– А чего? Дальше учись, хорошо ведь живем, – удивился Арсен.

– Так мне диплома не надо, у меня уже есть один, тбилисский. Мне вот этот документ нужен, где написано, что я лауреат. С этой бумагой в Ереване я сразу стану профессором консерватории.

Так оно и случилось: впоследствии он организовал первый эстрадный оркестр Армении (которым потом руководил Орбелян), стал известным музыкантом и дирижером, народным артистом Армении. Но это случилось потом, а в 1924-м надо было как-то выживать на мизерные студенческие стипендии...

Пальто у Арсена было без рукавов, поэтому он ходил, перекинув его через руку, и всем говорил, что не боится холода, даже морозов. К своим протертым носкам Арсен и Артюша акварелью (чтобы вечером можно было просто смыть водой) пририсовывали пятки, которые совпадали с общим видом этого трикотажного изделия, – денег на новые или починку старых (не штопать же!) у друзей не было.

Невольно вспомнились замечательные строки из И. Уткина:

*Так что же, прикажете плакать?
Нет, так нет,
И Мотэле ставит заплатки
На брюки и на жилет.*

Но жили тем не менее очень весело. Арсен в силу своей потрясающей коммуникабельности, несмотря на застенчивость, собрал вокруг себя компанию художников, актеров и музыкантов. У них с Артюшей Айвазяном в полуподвале постоянно устраивали, как сейчас говорят, «тусовки». Была возможность без билетов ходить в консерваторию и театры, так что светская жизнь была бурной.

Когда становилось совсем голодно, Артюша с Арсеном ездили по бильярдным, которых в Москве было множество: а как иначе, ведь сам Ворошилов, говоривший, что военным нужна «твердая рука и меткий глаз», обожал эту игру! Во всех Домах офицеров, Домах культуры, в парке Горького, да где угодно были бильярдные. А надо заметить, когда Артюша еще жил в Армении, в доме его отца стоял бильярд. Отцу не с кем было играть, и он каждый день ставил своего сына-шкета на тумбу и учил играть. В результате Артюша играл филигранно: не просто бил по лузам, а владел такими мастерскими ударами, как карамболь, абриколь или дуплет!

И вот Арсен и Артюша приезжали в один из залов и начинали непринужденно катать шары: тук-тук. К ним подходил какой-нибудь человек, обычно военный (они всегда были при деньгах), и говорил: «Может, сыграем?» – «Да вам со мной неинтересно будет», – отвечал Артюша, заводя офицера, как опытный психолог. В результате пари заключали сразу на большую сумму, потому что после того, как он раскрывался как классный игрок, с ним уже никто не хотел играть на деньги. Иногда Артюша играл и на «ужин в ресторане на двоих». Тогда Арсен и Артемий отправлялись ночевать в полуподвал на Тверской после вкусного ужина.

В эти годы Арсен начал заниматься спортом, очень успешно выступал на первенстве Москвы по боксу в категории «мухи»: наилегчайший вес. Он был кавказский по природе человек, и реакция у него была феноменальная. Тогда же начал играть и в теннис на знаменитых кортах «Динамо» на Петровке. И они остались его любимыми кортами до конца жизни. А еще они очень любили лошадей: Арсен с Артюшей ходили на ипподром не только на скачки, но и сами ездили, – знакомые лошадики привлекали их и разрешали кататься.

Все члены их творческой компании – художники, актеры, музыканты, весь тогдашний московский авангард, так или иначе подрабатывали в театрах. Арсен создавал костюмы, эскизы, декорации к спектаклям в Театре кукол (где работал актером-кукловодом его старший брат Костя), в Театре Московского губернского совета профсоюзов (сейчас это Театр Моссовета) и в театральной студии Юрия Завадского. И везде во всех этих театрах у него была масса друзей. Вот почему, вспоминая в поздние годы разные истории, Арсен называл очень известных актеров по-дружески: Верочка Марецкая, Славка Плятт, Коля Мордвинов. Это было не панибратство, но память юности.

Он с детства хорошо рисовал, родители давали возможность своим детям заниматься живописью – все-таки Елена Яковлевна родная сестра Вардкеса Суренянца, как мы помним. Интересно, что Арсен с детства был левшой, а в те времена не было принято сохранять это свойство ребенка, его переучивали на правшу. В результате Арсен стал амбидекстром: делал карандашные эскизы и наброски левой рукой, а краски накладывал правой. Он мог одновременно расписываться обеими руками и не без удовольствия это демонстрировал.

Учился он в Московском государственном техникуме изобразительных искусств памяти восстания 1905 года (где впоследствии и преподавал), посещал курсы Владимира Фаворского во ВХУТЕМАСе. Графику ему преподавал основоположник конструктивизма Александр Родченко, а лекции о «подлинности художественного восприятия» читал философ Павел Флоренский. Очень хорошая компания!.. Вдобавок он брал уроки у Евгения Лансере. Арсен очень любил графику, но после оформления, уже в ссылке, первого казахского букваря больше к ней не возвращался.

В 1928 году Арсен устроился на работу художником-проектировщиком в изоцех производственного комбината Первой всесоюзной строительной выставки в Хамовниках. Однако

уже через год при первой возможности сбежал на юг с театральной студией своего друга – молодого актера, режиссера и педагога Юрия Завадского.

А события в стране развивались стремительно: в 1930-м Завадский был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму, его подозревали в участии в контрреволюционном «кружке тамплиеров» (по свидетельствам околотеатральных деятелей, в его официальной биографии этих сведений нет). Впрочем, Завадского вскоре отпустили. Но первые звоночки звенели со всех сторон, и уже совсем немного времени оставалось до ареста самого Арсена и эпохи так называемого Большого террора, который погубит многих близких ему людей.

Баба Ида

Дед Арсен, 1930 г

Дело № 746

Весной 1932 года секретно-политический отдел ОГПУ в докладной записке на имя Сталина сообщал о «неуклонном росте антисоветской активности враждебных советской власти элементов интеллигенции». По какой причине? После «широкого наступления на капиталистические элементы деревни и города» были задеты слои интеллигенции, «которая еще не переварилась в котле пролетарской революции и не порвала кровной и идеологической связи с капиталистическими элементами страны».

На работе с представителями интеллигенции специализировался один из влиятельнейших сотрудников ВЧК Яков Агранов, который активно участвовал в художественной жизни Москвы и посещал два самых популярных тогда литературных салона – Лили Брик и Зинаиды Райх. Агранов близко общался с членами ЛЕФа и РАПП, Владимир Маяковский называл его «друг Аграныч», а Лиля Брик – «милый Янечка».

«Милый Янечка» лично руководил допросами и фальсифицировал самые знаменитые процессы 1920-х – начала 1930-х годов: правых эсеров, над Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым, Промпартии и Трудовой крестьянской партии, по которым были арестованы многие представители интеллигенции (впоследствии все реабилитированы). Анатолий Буланов, с которым Арсен Ревазов чуть позже познакомится в ссылке в Алма-Ате, также попал в одну из групп историков-заговорщиков, «вскрытую» Яковом Аграновым. Ордер на арест самого Ревазова выписал другой высокопоставленный сотрудник ОГПУ – Георгий Молчанов, подчинявшийся аграновским указаниям.

В пятницу, 4 ноября 1932 года Арсена Ревазова отвезли на допрос на Лубянку, в здание бывшего страхового общества «Россия», где еще не так давно работал его отец. Центральную башню здания с огромными белыми часами венчали две женские фигуры, символизировавшие Справедливость и Утешение. Скоро этот архитектурный оксюморон будет исправлен: фигуры и нарядные башни уберут, и здание обретет привычные ныне очертания. До наших дней доживут только часы. Допрос вел молодой чекист Литовкин. Вскоре после допроса Арсена посадили в автобус вместе с другими подследственными и повезли в Бутырский изолятор ОГПУ.

Арестованные обитали в переполненных камерах: во времена Большого террора в каждую камеру Бутырского изолятора помещали по 170 человек, а во всей тюрьме находились до 20 тысяч заключенных, в то время как рассчитана тюрьма была на две-три тысячи человек. Заключенным приходилось спать на полу, причем сидя и по очереди. Кормили отвратительной баландой и жидкой кашей, но чаще только селедкой. Количество передач «на одно лицо» в неделю было ограничено. Идеолог партии эсеров Виктор Чернов писал о жизни заключенных в зимних Бутырках: «Отопление не действовало, сырость в камерах была невероятная, водопровод замерзал и не подавал воды, равно бездействовала и канализация. Насекомые кишмя кишели и покрывали зачастую серой пеленой вещи и несчастных арестантов».

Арсен не любил рассказывать родным о своем аресте, а от знакомых и вовсе скрывал этот факт на протяжении всей своей жизни, справедливо опасаясь возможных неприятностей. Попытаюсь сложить из отрывочных воспоминаний картину его ареста и допросов.

В Бутырскую тюрьму каждый день прибывали новые арестованные. Арсена поразило, что все считали свой арест какой-то нелепой ошибкой, а потому старались аккуратненько повесить или сложить пальтишко, чтобы не помять его. Мол, скоро отпустят, как же идти по улицам в мятой одежде? Арсен же сразу понял, что тюрьма – это надолго. Поэтому пальто свое не щадил. Как его допрашивали, он не рассказывал, но между слов проскальзывало, что пыток к нему не применяли и оговаривать никого не заставляли. Во время одного из последних допросов следователь, закрыв дверь допросной, надолго ушел, оставив Арсена одного. А очень хотелось

пописать, очень. И Арсен исполнил свое желание в цветочные горшки и большую пепельницу. Было ли это мелким хулиганством или желанием досадить следователю? Арсену ведь было всего 22 года!.. Скорее всего, и то и другое. Что произошло после возвращения следователя, он подробно не рассказывал, характеризуя ситуацию одним словом: «Весело». Этого следователя ему пришлось увидеть спустя девять лет, во время войны, но об этой встрече позже.

С 4 по 17 ноября продолжались допросы Арсена Ревазова и свидетелей по его делу. Несмотря на «изобличающие» Арсена показания, никто из свидетелей не вспомнил – или не захотел вспомнить – содержания анекдотов, упомянутых в его деле и которые железно давали бы состав по 58-й статье. Факта отказа от подписки на заем, о чем мы также читаем в деле, для обвинения оказалось мало: официально за это никого не арестовывали, а подверстывали к отказу другие «преступления». В случае с Арсеном ими являлись анекдоты. Арсен тоже в процессе допросов не назвал имен тех, кто над ними смеялся. За распространение каких же анекдотов его осудили?

В начале 1930-х годов в Стране Советов возник острый дефицит мяса, и большевики решили организовать кроличьи хозяйства по всему Союзу. Разведению кроликов учили в газетах, брошюрах, на собраниях, в школах и колхозах. Однако на кроличьих фермах начали вспыхивать эпизоотии, и кролики передохли. Неплохую в общем-то идею накормить народ погубила большевистская гигантомания: в громадную ферму попадал один больной кролик, и она превращалась в кроличье кладбище. К 1933 году о кроликах в советской печати уже не упоминали, на собраниях не заикались, но кролики просуществовали еще какое-то время в анекдотах как «сталинские быки», – так, например, вспоминает в своих мемуарах врач Александр Трушнович.

Автором одного из анекдотов, который Арсен рассказывал на работе, но у следователя не упомянул, был, между прочим, сам Зиновьев, очень остроумный человек: «Приходит дед в колхозный магазин и говорит продавцу: милок, мне б вожжей. А ему отвечают: ну вот смотри, Сталин, Молотов, Каганович. Он в ответ: нет, мне не тех, которых вешать, мне которыми править». За этот анекдот давали статью 58.10 («Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. 58–2–58–9)»).

Следователь сразу предложил Арсену договориться, чтобы он «сознался» в какой-нибудь ерунде и получил за это небольшой срок, а если, мол, не согласится, его обвинят в том, что собирался поставить на ГУМе пулемет и перестрелять всех, кто стоит на мавзолее.

Позже он говорил: «Прекрасная идея, жаль, сам не додумался». В итоге его осудили за анекдоты и негативное отношение к государственному займу. Арсену в каком-то смысле повезло: времена еще стояли относительно вегетарианские (расстрелов немного, в основном ссылки), поэтому всех арестованных в 1932 году он называл «первым сталинским набором», а тех, кого арестовали уже в 1937-м, – вторым. На допросах он ни в чем не признался и потом учил своих сыновей, что милиции никогда нельзя признаваться даже в очевидных вещах. Он говорил: «Чистосердечное признание – прямая дорога в тюрьму».

Дело № 746 хранилось в Центральном архиве ФСБ и было рассекречено в 2007 году. Родственники могли подать запрос и потом в читальном зале архива листать пожелтевшие страницы под строгим надзором сотрудниц архива, следивших, чтобы никто не фотографировал и не испортил дело. Арсен этих страниц не увидел, он умер раньше.

Дело начиналось с маленькой бумажки – ордера на обыск и арест, выданного сотруднику оперативного отдела ОГПУ Литовкину 3 ноября 1932 года. Любопытно, что во всех документах дела Литовкин ни разу не указал свои имя и отчество, протокол оформлял карандашом, а половину документов и вовсе не подписал. Обыск проходил ночью 4 ноября в том самом полу-подвале дома № 68 по Тверской – как раз тогда, в 1932-м, переименованной в улицу Горького.

Узнать, кто донес на Арсена Ревазова, из доступных для изучения материалов дела невозможно: бумаги, содержащие подобную информацию, изымают из дела после рассекречивания или упаковывают в специальные конверты, которые в читальном зале вскрывать запрещено. Но если внимательно изучить дело, становится понятно: Ревазов давно находился в поле зрения ОГПУ, а решение об аресте созрело после сигнала с комбината, последовавшего за отказом Арсена от подписки на пресловутый заем, объявленный постановлением ЦИК и СНК СССР 8 июня 1932 года и бывший добровольным только на бумаге. Его сумма равнялась 3,2 млрд. рублей, каждому служащему и рабочему предлагали «добровольно» дать в долг государству трехнедельный заработок. При распространении займа широко практиковали угрозы, составляли протоколы, людей предавали суду и отправляли в ссылку или давали реальный срок.

Уже 26 декабря комендант Бутырского изолятора распорядился отправить Ревазова в Казахстан ближайшим этапом. Всех ожидающих этапа отводили в бутырскую церковь, которая находилась во внутреннем дворе. Здесь под куполом наспех соорудили второй этаж, который использовали в качестве «пересыльной тюрьмы». К церкви подъезжали машины с надписью «хлеб» или «молоко», заключенных загружали и везли на вокзал.

Арсену чудом удалось избежать мясорубки Большого террора – в отличие от тех, кто его арестовал и вырвал из нормальной жизни. Чекисты Агранов, Молчанов и Коркин попали в жернова машины, на которую работали не покладая рук. Молчанова расстреляли в октябре 1937, Агранова – в августе 1938, а Коркина – в январе 1940-го (всем отказано в реабилитации). Новый руководитель НКВД Николай Ежов зачищал аппарат вверенного ему ведомства от людей бывшего народного комиссара внутренних дел Генриха Ягоды.

Арсена Сергеевича Ревазова реабилитировали в соответствии с указом «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–1940-х и начала 1950-х годов». К сожалению, посмертно.

У нас так принято – реабилитировать посмертно.

Анатолий Буланов и Арсен Ревазов (в центре и справа), Алма-Ата

Дом Булановых в Алма-Ате

Молодая баба Ида

Толя Буланов и Ида Рогачевская (баба Ида), 1930 г

Подлинные документы
(Публикуется с сохранением
орфографии и пунктуации подлинника)

ДЕЛО № 746

Заинвентаризировано в 1941 году.

РЕВОЗОВ [опечатка]

Дело начато 14 ноября 1932 года.

Дата ареста 4 ноября 1932 года.

ОГПУ ордер № 8377 от 3 ноября 1932 года выдан сотруднику оперативного отдела ОГПУ Литовкину для ареста и обыска Ревазова Арсения Сергеевича по адресу ул. М. Горького д. 68 кв. 48. При обыске присутствовал представитель домоуправления Матвеев В. С. [заполнено от руки, карандашом]

Лист № 1

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

ФИО

Ревазов Арсен Сергеевич

Дата рождения

22 июня 1910 года, Ленинград

Место жительства

ул. Горького

Место службы

Производственный комбинат ПВСВ художник, еще работает в театре.

Профессия

Художник, профсоюз лесдреврабочих.

Имущественное положение, перечислите движимое и недвижимое имущество

Кроме одежды и некоторых хоз. предметов, собственных рисунков ничего не имею.

До 1929 года

Тоже самое

Социальное положение во время ареста

Служащий

Воинская категория

Зачислен в резерв

Национальность

Армянин, СССР

Образование

Среднее + спец. Худ. Курсы госизо

Состояние здоровья

Слабое

Семья

Брат Константин Ревазов, 1904, раб. в театре

Сестра Маргарита Ревазова, 1908, дом. хоз.

Подпись: *Ревазов*

Подпись оперативного сотрудника: [отсутствует]

Лист № 2

КВИТАНЦИЯ О ПРИЁМЕ АРЕСТОВАННОГО

РЕВОЗОВ

Сдал – 8 рубл. 5 коп.

Вещи – поясной ремень, металлическое зеркальце

Лист № 3

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

От 4 ноября 1932 года

Литовкин

Род занятий

Художник проектировщик Всесоюзной Пост. Строительной выставки

Семейное положение

Холост. Брат Константин Сергеевич раб. Театре Юного зрителя, сестра дом. Хоз.

Мать и отец умерли.

Имущество

Нет. Образование среднее и спец. художественное

Партийность

Беспартийный. Не судим

Показания по существу дела

Родился я в городе Ленинграде, отец мой был по профессии драгист, работал у Келлера – заведовал складом аптекарских товаров. В 1914 г. Приехали в МОСКВУ, он работал в страховом обществе «Россия» до 1917 г. Работал в Наркомздраве, отец умер в 1924 году, в это время я учился, в настоящее время я работаю на Всесоюзной строительной выставке с 14/V 32 г. Художником.

Знают меня хорошо:

1. Александр Львович Прозоровский, архитектор и сын режиссера Малого театра. Живет на Новослободской улице 10.

2. Арсений Григорьевич Гулиев, актер. ул. Горького 68, кв. 45

3. Матвеевы Петр Семенович и Евдокия Васильевна, ул. Горького 68, кв. 7

4. Айвозян Арсений Сергеевич, студент консерватории, виолончелист, выдвинут в аспиранты, живет ул. Горького 68, кв. 48

5. Соколов Дмитрий Иванович, сослуживец

6. Деконский Григорий Григорьевич, сосл.

7. Побегайло Николай Гаврилович, тоже сосл. по выставке

8. Ландау Александр Миронович, муж двоюродной сестры

9. Пером Давид Адольфович, он служит в Гипроавтопроме. Живёт на Усачёвке.
Записано с моих слов верно

Подпись: Ревазов

Допросил: Литовкин

Лист № 4

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

От 5 ноября 1932

Сот. ОГПУ Литовкин

Допр. в качестве свидетеля

Гр. Жарову Нину Леонидовну 1909 г. р.

Род занятий

Служащая, г. Ленинград, на выставке вместе с Ревазовым.

Проживает

Москва, Даевский пер. д. 31, кв. 1

Семейное положение

Незамужняя, образование среднее.

Национальность

Русская

Профессия

художник-исполнитель

Партийность

Беспартийная

Показания по существу дела:

Знаю Ревазова по службе т. к. работаю в одном цехе с июля 1932 г. За это время показал себя как антисоветская личность своими разговорами. В разговоре о сдаче на значёк ГТО высказался так: «Если сдам на значёк ГТО, наверняка возьмут на военную службу» и много случаев в таком роде.

На работе не топили, было холодно, на это он сказал так: «Посадить бы вождей в такую комнату, пусть бы они поработали в холоде».

Во время выдачи талонов на мясо перед октябрьскими праздниками ходил и говорил громогласно: «Стрижём, режим, красим и всё на фунт мяса».

Говорил о том, что познакомился с каким-то иностранцем и купил у него дешевого заграничный свитер. (фамилии иностранца я не помню)

Как-то раз говорил о том что был в Митрополе.

Рассказывал анекдоты антисоветского характера, какие именно я не помню.

Больше показать ничего не могу.

Написано собственноручно.

Подпись: Жарова

Допросил: Литовкин

Лист № 5

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

От 9 ноября 1932

ОГПУ Литовкин

Свидетель

Фогельсон Ефим Самойлович

Год и место рождения

1907 г. ур. Витебска.

Национальность

Еврей

Проживает

Москва, Мельников пер. 9, кв. 2

Профессия

Художник – производственный комбинат

Семейное положение

Холост. Мать, сестра Раиса Самойловна – работник детского сада

Образование

Высшее худ.

Партийность

Беспартийный

Показания по существу дела

Ревазова знаю всего 5 месяцев по совместной работе с ним из этих 5 месяцев, 2 я был в отпуску, так что знаю его очень плохо. У Ревазова в разговоре со мной вырывались словечки антисемитского характера так например: «Еврейская голова, чтоб ты здох». Определить злость этих слов я не берусь, т. к. они носили отвлеченный, абстрактный характер. Других разговоров я от него не слышал ибо работал с ним в разных помещениях.

Больше показать о нем ничего не могу.

Подпись: *Фогельсон*

Допросил: *Литовкин*

Лист № 6

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

От 9 ноября 1932

ОГПУ Литовкин

Свидетель

Раев Николай Зотикович

Год рождения

1893 г.

Род.

Северный Край, Ленский район

Проживает

4-я Мещанская ул. 5/22 кв. 6

Должность

Директор производственного комбината ПВСВ

Семья

Женат, двое детей.

Образование

Низшее

Партийность

Член ВКПБ с 1918 года

Показания по существу дела

Гр-н Ревазов является работником проектировщиком ИЗО цеха производственного комбината ПВСВ с момента её организации т. е. с 1928 году и в последствии как рвач и хвастун удрал. В 1932 году вновь был принят на работу проектировщиком. Работал слабо, систематически приходил с ежедневными опозданиями. Проявлял систематическое рвачество. В отношении общественных работ то таковую не несёт, а старается всячески разыскать наживную. На все компании и мероприятия Советской власти отзывается он резонансно, с антисоветским звуком. (в частности отказ в подписке на заём, когда он ни сам не подписался и реагировал на остальных работников).

Что же касается в отношении этих общественных лозунгов то он в отношении отказывал. В общем и целом Ревазов является тёмной Антисоветской личностью.

Более конкретные факты антисоветских проявлений могут дать его сослуживцы Солиснев Д. И. и Вавилочев и Деканский.

Лист № 7

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

От 9 ноября 1932

Литовкин

Свидетель

Вавилочев Федор Гаврилович

Родился

1900 год, ст. Никольское. Ниж. Жел. Дорога

Место работы

Переплетчик ВСВ.

Образование

Низшее

Партийность

Беспартийный, красноармеец в запасе

Показания по существу:

Знаю Ревазова по работе как отъявленного прогульщика, если приходит на работу, то всегда опаздывает. К работе относится неграмотно. С политической стороны я рассматриваю его, как чуждого антисоветского элемента.

Был такой случай я как бригадир составлял бумагу вызова по дополнительной подписке на заем 4-го завершающего года пятилетки и предложил подписаться Ревазову, на что он мне грубо ответил: «Какой дурак подписывается на заем, когда и так с нас дерут три шкуры, всякие налоги, культналоги, займы, отдохнуть не дают. Принципиально копейки не дам.» После

чего весь художественный отдел сперва от дополнительной подписки на заем, отказался, но впоследствии все же подписались.

Подпись: *Вавилочев*

Допросил: *Литовкин*

Лист № 8

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.